

служба отраженіемъ дѣйствительной жизни, заниматься, въ угоду вкусамъ 'своего свѣтскаго кружка или толпы, исключительно лживой идеализаціей и того соціального начала *борьбы* съ ея богомъ—«богомъ силы, насилія, козней, мести, съ ихъ ангелами—властью, умомъ, красотою, талантомъ, обманомъ» («Исповѣдь»), на которомъ строится еще жизнь большинства людей... «...Я зналъ, что это *нравится* большинству, и потому, какъ въ жизни, слѣдуя по теченію, я поклонялся лишь силѣ и красотѣ силы, такъ и въ произведеніяхъ своихъ я больше всего воспроизводилъ всѣ красивыя проявленія индивидуальной силы («Испов.»).

Мы не знаемъ, какое направленіе приняло бы творчество Гоголя и гр. Толстого, подъ вліяніемъ законченнаго съ молодю воспитанія своего таланта въ этическомъ смыслѣ: описывали-ли бы они намъ тѣхъ же лицъ и ту же среду или подарили бы насъ образами иной среды, иного характера, дали-ли бы они намъ тѣ-же идеи или другія и въ иной формѣ,— можетъ быть даже оказались бы великими и полезными труженниками совсѣмъ въ иной сферѣ, на иномъ поприщѣ дѣятельности,—но несомнѣнно одно, что закончи они періодъ этического своего воспитанія въ молодости, до выступленія на литературное поприще, пройди они тогда же такъ называемый «мистическій» періодъ въ развитіи, выступи они на свое поприще окончательно сформировавшимися «гражданами земли своей» (по выраж. Гоголя)—этого несчастнаго перелома не случилось бы въ ихъ литературной дѣятельности, и они подарили бы насъ, вѣроятно, еще не однимъ томомъ своего сознательно-художественнаго творчества, гдѣ они могли бы быть такими же проповѣдниками «красоты добра», какими они считали себя послѣ, съ тою лишь разницею, что тогда проповѣдь эта облеклась бы въ поэтическую форму,—форму болѣе привлекательную, болѣе